

В. П. СИДОРЦОВ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

На протяжении последних десятилетий происходят радикальные изменения во всех сферах исторической науки. Среди наиболее характерных черт этого процесса обращают внимание усилившиеся тенденции к интеграции истории с другими науками, к чему в свое время призывал известный французский историк-анналист Л. Февр: «Историки, будьте географами! Будьте правоведами, социологами, психологами...!» [1, 37]. На смену анклавному состоянию истории пришел ее новый этап развития, который привел к активным контактам с другими дисциплинами, взаимобогащению методами и т. д.

Тенденция к междисциплинарности является одним из важнейших следствий коренного изменения социальных функций истории в решении проблем, стоящих перед цивилизацией. Именно в ходе междисциплинарного сотрудничества ученые убеждаются в зыбкости принципов, выступавших как единственно научные, привыкают к широкому взгляду на деятельность историка-исследователя, так как все попытки представить историю в достаточно строгой форме, с расположением «ниш», отводимых каждой отрасли исторического знания, не имели успеха.

Такой поворот был обусловлен, прежде всего, рядом обстоятельств. Немаловажным из них является, например, то, что в силу относительно низкого приоритета исторических исследований с точки зрения потребности общества, в целом историческая наука и соответствующее ей научное сообщество не располагает адекватными ресурсами для того, чтобы справиться с анализом прошлых обществ на столь же высоком теоретическом и эмпирическом уровнях, на каких работают представители социальных наук, сосредоточенные на познании современности. История в меньшей степени занимается выработкой собственной теории, а в основном использует теоретический аппарат (включая теоретические понятия, концепции и способы объяснения) из других общественных наук. Таким образом, налицо фактор самовоспроизведения истории, ее развития вширь и вглубь.

Ярким проявлением такого самовоспроизведения стал феномен междисциплинарности, составными звеньями которой являются гуманитарные, социальные, естественнонаучные и другие дисциплины. Междисциплинарность можно охарактеризовать как сочетание отдельных дисциплин, между которыми предполагается наличие определенных связей. Полидисциплинарность как способ преодоления относительно устойчивого разрыва между реальной научной практикой и самосознанием уче-

ных, до этого ощущавших себя узкими специалистами, следует отличать от монодисциплинарности, т. е. исследований в области одной научной дисциплины.

Методологическая роль междисциплинарности, основу которой должна составлять единая группировка универсальных концепций различных дисциплин, в чьих рамках могут и должны быть проинтерпретированы те или иные исторические события и явления, ее воздействие на конечный результат исследования — одна из наиболее актуальных проблем. Оценка этой роли имела самый широкий спектр: от однозначно положительной до полного игнорирования. Последнее было характерно для советской исторической науки, где абсолютизация формационного подхода отрицала важнейшие аспекты функционирования того или иного общества (образ жизни, ментальность, нормы поведения и т. д.).

В настоящее время требуется переосмысление сути происходящих процессов в мировой исторической науке, характера и направленности эволюции государств, обществ. Эти процессы в западной историографии также зачастую понимались довольно упрощенно, что выразилось в господстве так называемой теории модернизации, т. е. прогрессивного развития общества через государственные или социальные структуры. «Простой человек» со свойственной ему картиной мира, стереотипами восприятия и обусловленной его ментальностью, повседневной жизнедеятельностью при таком подходе лишался исторической инициативы и присутствовал лишь в качестве пассивного объекта целенаправленной преобразовательной деятельности общества.

Накопленный исторической наукой огромный фактический материал о повседневной жизни людей показывает ограниченность такого подхода. Исторические реалии последних десятилетий (развал СССР, крах социалистической системы, кровавые конфликты на Балканах и т. п.) отразили своего рода неадекватные реакции людей на политические и общественные инновации. Как отмечает современный известный германский историк А. Людтке, «продуктивной могла бы стать попытка понять историю как многослойный процесс, который воспроизводится, и, в первую очередь, трансформируется теми, кто является одновременно и объектами истории и ее субъектами» [2, 99]. При этом со всей очевидностью вырисовывается необходимость понять историю не как сам факт или самодавящее явление, а как отражение событий в психике человека [3, 52].

Эта задача заставила историков, в том числе отечественных, обратиться к поиску новых исследовательских подходов. Развернулись дебаты по теоретико-методологическим проблемам, что постепенно сделало реальным взаимное обогащение методов, казалось бы, совершенно различных наук.

В этом ракурсе междисциплинарные связи предстают как способ активного межнаучного диалога, взаимодействие активных дисциплин, которые прошли длительный путь самостоятельного развития со свойственными им динамичностью и особенностями, как беспрецедентный по своей активности способ воздействия на объект исследования. В современной исторической литературе термин «междисциплинарность» употребляется не только для обозначения простого заимствования методов из других дисциплин (социологии, демографии, антропологии, лингвистики и т. п.), но и в интеграции на уровне конструирования междисциплинарных объектов [4, 18], которые можно определить как нечто онтологически самостоятельное, как некоторую существующую реальность, независимую от исследования.

Таким образом, историческое знание определяется не одним научным направлением, а системой или совокупностью социальных наук, объектом которых является прошлая реальность. В силу своего полидисциплинарного характера история естественным образом использует достижения других наук и обращается к их теоретическим схемам, моделям, категориям, понятиям. Современная эпоха постмодерна нанесла сокрушительный удар по замкнутости и самодостаточности отдельных наук, сделала междисциплинарность действительно реальной.

Однако всякий раз, когда история использует достижения других наук, щелкает своеобразный «переключатель времени»: во-первых, история заимствует методы и приемы извне с целью изучения прошлого, а не настоящего. Поэтому она не может механически применять аппарат социальных наук, но должна развивать и видоизменять его применительно к отсутствующим социальным объектам. В идеале историки вынуждены не только овладевать теориями других наук, но и, отталкиваясь от них, создавать новые, или, по крайней мере, модифицировать теории, ориентированные на анализ настоящего [5, 92—93].

Следовательно, можно предположить, что междисциплинарные контакты никогда не носили и не будут носить однонаправленный характер с заранее предсказуемыми результатами. Процесс междисциплинарного воздействия слишком сложен и характеризуется высокой степенью вариативности, зависящей от целого комплекса факторов (не только степени разработанности темы-проблемы, уровня методологии, достаточности источниковой базы и др.). Необходимо учитывать комплекс этих факторов, чтобы повысить научную ценность полученных результатов.

Междисциплинарность привела к соприкосновению различных дисциплин: идут интеграционные процессы, растет взаимодействие и взаимообогащение методов. Особенно это актуально в кризисных ситуациях, когда междисциплинарные связи служат условием успешного решения ряда проблем. Примером может быть коренное изменение представления о роли человека, суть которой состоит в том, что представления обычного человека о жизни, как и поступки, в значительно большей степени, чем это было принято полагать, зависят от повседневного личного опыта. Такие общественные категории, как экономика, политика, идеология, законодательство существовали и действовали лишь опосредованно, «просеиваясь» сквозь призму жизненного опыта людей, вызывая определенные ответные реакции и действия [6, 9].

Подобного рода исследования стали красной нитью так называемого антропологического поворота в историографии 1970—1980-х гг. Поменялись не только предметные области мировой исторической науки, но и подходы, методы исследования, несмотря на то, что в научных трудах сохранились узловые моменты прежних парадигм. В ученой среде постепенно нарастает осознание сложности происходивших внутри исторической науки процессов, понимание того, что замыкание лишь на одних методах в научном плане бесплодно, что без обращения к методам и категориям иных дисциплин научные поиски заходят в тупик. Заметно расширяется категориальный аппарат исследований. Если ранее, как отмечал известный американский историк Р. Коллинвуд, исследователь должен был прежде всего раскрыть значения таких терминов, как «событие», «прогресс», «цивилизация» [7, 366], то под влиянием антропологического поворота в исторических трудах все чаще звучали термины «деконструкция», «гендер», «повседневность» и др.

Исторические исследования, проведенные в плане междисциплинарности, характеризуются отчетливо выраженным аналитическим, в противовес описательно-му, подходом. В обработке источников истории произвели настоящий переворот, широко используя, например, количественные методы, что позволило освоить огромные массивы статистики. Впервые в научный оборот были введены такие источники, как личные дела, лицевые счета работников предприятий, материалы переписей населения, листы домашних хозяйств и т. п. [8, 387].

В силу многомерности междисциплинарности как феномена можно предположить ее изучение в нескольких измерениях, которые условно разделяются на макро- и микроуровень. В первом случае потребность в междисциплинарности стала реальностью. Необходимо только акцентировать внимание на изучении истоков, характера взаимодействия истории с другими дисциплинами. Характерно, что в 1960—1970-е гг. наши историки брали на вооружение преимущественно макротеоретические подходы (экономические циклы, теория конфликта, проблема власти и др.) [9, 32]. Постоянные и последовательные контакты истории с социальными и гуманитарными дисциплинами (а также литературой и другими видами искусства) модифицируют облик истории, дают возможность исторической науке проникать в ранее закрытые для нее зоны знания, использовать новые методы, экспериментировать с историческим материалом [9, 24].

Микроуровневый характер междисциплинарности подразумевает анализ вариантов взаимодействия, их характерных черт и особенностей с перспективой дальнейшего сравнительного изучения. Ключевыми моментами здесь будут: выявление специфики «почвы», на которой происходит контакт; ее предрасположенность к междисциплинарным воздействиям; сопоставление и изучение уровней организации объектов контакта, выявление глубины и, естественно, ограничений возможных взаимодействий; анализ итогов данного междисциплинарного взаимодействия. Совокупность этих и подобных аспектов помогает составить более конкретное представление о характере и специфике протекания междисциплинарных процессов, позволяет тем самым расширить методологическую базу, и, в конечном счете, сделать более адекватное историческим реалиям обобщение о том или ином явлении.

В общем виде модель междисциплинарных исследований выглядит следующим образом: установка исследователей на междисциплинарность («Такая установка, которая привела, — как отмечает исследователь М. Хоувелл, — в группу историков, признающих повседневную жизнь, экономические процессы, социальные структуры как неотъемлемые составляющие истории, таких наиболее видных историков двух последних десятилетий, как Лоуренс Стоун, Эммануил Ле Рой Ладюри, Филипп Ариес, Кристофер Хилл, что говорит о триумфе категории «класс, раса, гендер» [4, 52]); формирование междисциплинарного исследовательского коллектива, т. е. кооперация; поиск и оценка междисциплинарных проблем; разработка общего метаязыка; обсуждение и содержательная интерпретация результатов.

Можно определить условия, при которых возможны полидисциплинарные исследования:

- 1) определение объекта исторического исследования и его исходного состояния (сбор, обработка информации, выявление проблематичных сторон объекта и др.);

- 2) сохранение специфических свойств и характеристик объекта на всех уровнях теоретического абстрагирования;

3) разработка методической схемы анализа, в которой сумма отдельных исследований была бы необходима и достаточна для решения проблемы в целом.

Соблюдение этих условий позволяет реализовывать интегративную функцию исторической науки, связанную с использованием знаний из социологии, философии, психологии и др. В свою очередь методы и концепции этих наук послужат одним из средств категориального синтеза в ходе исследования.

Систематизация и интеграция всей совокупности знаний, полученных в ходе междисциплинарного исследования, должны происходить в рамках теории, через которую они преломляются. Поэтому, в зависимости от научного и методологического уровня сформированной теории, можно судить об истории как науке, о возможности применения междисциплинарных связей. Результаты междисциплинарных исследований должны быть обоснованы и представлены в такой форме, чтобы их можно было эффективно использовать и в научной, и в практической деятельности. Междисциплинарные исследования в истории дают возможность проведения эксперимента с целью констатации истинности, адекватности результата, что, безусловно, более приемлемо, чем простая теоретическая аргументация. На основе содержательного обобщения результатов диагностики можно сделать прогноз развития сконструированного междисциплинарного объекта. Важно указать вид полученных знаний (концепция, методика), содержательно раскрыть каждый из них.

Активное проникновение в область исторических исследований совершенно иного оценочного инструментария — объективный процесс. Подобное проникновение нельзя считать процессом односторонним. Специалисты самых разных направлений приходят к близким суждениям о том, что миф об исключительности монодисциплинарной истории должен быть преодолен. Историческая наука должна стать своего рода «децентрализованной», в ней должно находиться место для применения методов и концепций иных дисциплин.

Феномен междисциплинарности представляет широкий простор для исторической мысли, постоянно ищущей ответы на сложные вопросы современности. Один из важных вопросов касается судьбы самой исторической науки. Куда направлен вектор современного процесса междисциплинарности? Какой станет историческая наука в ближайшие десятилетия? Ответы, предположения — самые различные. Апологет социальной немецкой истории Г.-У. Велер придерживается идеи о низине исторической науки [10, 146—147]. Американский историк Дж. Иггерс, напротив, убежден, что уже в настоящее время исторической науки как единого организма нет, так как имеет место высокая степень ее дифференциации [11, 97—105].

Причин такой противоречивости в мнениях о, казалось бы, вполне понятных процессах междисциплинарности много. Главная из них — многомерность и сложность самих объектов исследования. Между тем проблематика междисциплинарного взаимодействия (систематизация данных о полидисциплинарных контактах, изучение характера и особенностей различных вариантов взаимодействия, возможность тотального переноса основ одной дисциплины на другую почву, поведение инородного элемента в системе дисциплины, степень его позитивного или деструктивного влияния на систему целостности и др.) еще недостаточно изучена в историографии, особенно в отечественной. Очевидно, что по мере усиления тенденций к интеграции и взаимодействию наук все большее значение будут приобретать значение и учет в конкретной деятельности их характеристик и особенностей,

а накопленный опыт междисциплинарных контактов поможет сыграть ценную роль как в понимании перспектив многих процессов, так и в выработке оптимальных моделей развития. Появляется возможность накопить огромный эмпирический материал, далеко выходящий за рамки одной дисциплины. Это, в свою очередь, позволяет уяснить, что в той или иной науке является специфическим, а что общим, генерализирующим признаком.

Таким образом, междисциплинарные исследования в исторической науке:

- позволяют решить новые научные проблемы;
- дают возможность объяснить и предсказать возникновение событий и явлений, которые с прежних позиций было невозможно предвидеть и объяснить;
- открывают пути для разработки новых методов и подходов, определения приоритетных исследовательских задач.

В настоящее время отсутствие конкретных работ по проблеме междисциплинарности в исторических исследованиях требует от исследователя (особенно отечественного) осторожности и меньшей категоричности. При этом изучение методов, опыта другой дисциплины позволит найти наиболее оптимальное решение проблемы. В этой связи возникает другая, не менее важная проблема — заимствование чужого опыта. Эта проблема приобретает особый смысл, если учесть, что в процессе междисциплинарных контактов непременно возникает вопрос о границах и тенденциях, противоречащих процессу полидисциплинарности. Ведь в реальной исследовательской практике есть допустимый предел тех или иных заимствований — предел, который устанавливают конкретные исторические и социальные условия, в которых данная дисциплина развивалась. В связи с этим философ А. Ракитов пишет: «Приходится с сожалением констатировать, что попытки модифицировать историческую науку с тем, чтобы довести ее до уровня «гвардейских» дисциплин века (физика, кибернетика, теория информации и др.) сводятся к простым вербальным заимствованиям концептуальных схем и понятий из этих дисциплин без должного учета реальных проблем и специфики исторического познания» [12, 244]. Для таких заимствований характерны декларативность, схематичность; они не оказывают организующего влияния на практику исследования.

Значит, возможности конструирования междисциплинарных объектов нуждаются в серьезном научном изучении на фоне тех условий, в которых развивалась отдельная дисциплина, и тех проблем, на которые они должны быть рассчитаны, прежде чем можно будет принять решение относительно имплантации заимствований в поле «чужой» науки.

Несмотря на недостатки и изъяны междисциплинарности (эклектичность, отсутствие целостного подхода к историческим явлениям, нарушение системы изложения, неопределенность предмета изучения и др.), вклад в такого рода исследования состоит не только в подведении различных методов и концепций под единый знаменатель, но и в выработке современных теоретических объясняющих моделей для анализа прошлых обществ.

Наиболее четко это прослеживается на междисциплинарном взаимодействии истории и лингвистики. Контакты между двумя этими дисциплинами имеют глубокие корни. Достаточно вспомнить дискуссии о том, являются ли художественные произведения историческими источниками и какую именно информацию несут они, будучи исследованными в этом качестве [13, 168]. Обособление дисциплин

лингвистического цикла было связано с выделением их объекта (языка) в качестве некоторой самостоятельной целостности, которую можно изобразить и изучать относительно независимо от всех остальных объектов. В западной исторической науке ведущим становится лозунг историка: «Нет действительности вне языка» [14, 134—151].

Главной задачей историка стал анализ так называемого «дискурса», т. е. правил и функций образа мышления, и его взаимосвязь с устной и письменной формами репрезентативности. В частности, такой позиции придерживался известный французский постструктуралист М. Фуко.

Позже понятие и роль языка стали шире использоваться в исторических исследованиях. Например, историк Л. Хунт видит в языке средство для понимания политических событий, в т. ч. возникновения и развития социалистического движения во Франции во второй половине XIX в. В своей работе «Символы власти. Власть символов» он ставит своей целью не описание революционных событий, а анализ закономерностей политического мышления как основы политической культуры [15]. Таким образом, язык понимается как нечто, посредством которого люди воспринимают и переживают экономические и политические процессы [16, 11]. Такой позиции придерживаются и современные германские ученые А. Людтке и Х. Шлоссер, которые при помощи лингвистического языкового анализа исследовали общественную и повседневную жизнь немцев в период ГДР. Ученые пришли к выводу о существовании двух совершенно противоположных языковых сфер: официальной (партийной) и повседневной. По мнению Д. Шлоссера, не только не приходится говорить о взаимном сосуществовании этих сфер, но и следует признать факт их «тотального противостояния» [17, 11; 18, 11].

Американский исследователь Т. Чилдерс исследовал роль языка в процессе мобилизации избирателей в Веймарской республике. Причину успеха пропаганды национал-социализма он видит в национальной риторике, которая по духу оказалась ближе большинству немецкого населения [11, 94].

Важнейшие изменения в исторической науке произошли в результате ее контактов с этнографией, исторической и культурной антропологией. Этнокультурные исследования способствуют пониманию образа повседневной жизни людей определенного географического ареала, выявлению основных универсалий культуры, куда вошли не только знания и духовные достижения, но и казавшиеся ранее экзотическими традиции, стереотипы, верования и ритуалы. Возникает качественно новое, междисциплинарное по своей сути, научное направление, которое можно определить как микроистория (*Mikrogeschichte*). Однако это не означает, что история — это закрытая общественная система. Напротив, локальные исторические рамки выбраны для того, чтобы с помощью концентрации на ограниченный, периферийный ареал определить объяснительный потенциал макроскопического познавательного процесса.

Известный американский историк, представитель культурной антропологии К. Гиртц провозгласил тезис о том, что место исследования не является предметом исследования; историки исследуют не деревни, они исследуют в деревнях [19, 31]. Это способствует пониманию значимости норм и образцов межличностного поведения в определенных регионах, где помимо писаных прав и законов оказалось немало кажущихся естественными и общепринятыми ограничений и правил, состав-

ляющих основу рациональных описаний. Историки и этнологи вскрыли пласты повседневности, веками культивируемой народом, передаваемой от поколения к поколению. Эти традиции закреплялись в языке, мимике, жестах, манерах и т. д. и создавали своеобразный духовный климат общества.

Изучение этих аспектов стало возможным благодаря так называемым «плотным описаниям» (*dichte Beschreibung*), включающим, казалось бы, незаметные, но очень важные для существования общества формы повседневного порядка. Современный германский исследователь Г. Медик отмечает: «...Этнологические исследования являются удачным примером для иллюстрации неразделимой связи между историей повседневности и мировой историей...» [20, 34]. Показательна в этом отношении его работа, в которой автор, опираясь на опыт французской «тотальной истории», исследовал феномен повседневной жизни людей немецкого местечка Лайхинген в период с 1650 по 1900 гг. На основе различных источников (тестаменты завещаний, инвентари, судебные акты и др.) была реконструирована повседневная жизнь жителей Лайхингена [21, 11—33]. Аналогичное исследование на примере пиренейской деревушки XIV в. было проделано ранее французским анналистом Э. Ле Роем Ладюри [22].

Таким образом, реконструкция исторического прошлого должна учитывать и применять междисциплинарные связи, которые не нивелируют и поглощают, а дополняют одна другую. Изолированность исторической науки, воплощенная в консерватизме ученых, методологических и тематических барьерах и границах, неизбежно вызывает неполноту или отрывочность полученных результатов. Понимание и внедрение практики междисциплинарности в исторических исследованиях основано на преодолении границ традиционно сложившейся техники исторической реконструкции, на поиске дополнительных по отношению к истории практик исследования. Междисциплинарность как феномен не является чем-то однородным, а обладает своеобразными особенностями, которые отображаются в сетях методологических и категориальных различий. Дифференциация ранее «однородной» истории вызывает вполне понятные опасения у историков об утрате ее социальной идентичности. С другой стороны, это исключает возможность господства одной универсальной концепции или идеологии. В настоящее время историческая наука все более опирается не на идеологическое единство, а на взаимосвязь, взаимопреплетение методов и категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Феер А. Бон за историю. М., 1991.
2. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее перспективы развития в Германии? // Социальная история. 1998—1999. М., 1999.
3. Михайлюк О. В. Исторический источник: информация и смысл // Вісник Дніпропетровського університету. Історія та археологія. 2000. Вып. 8.
4. Шутова О. На пути к Истории Людей: заметки по истории исторической мысли (конец XX в.). Мн., 1999.
5. Савельева И. М., Палетаев А. В. Микроистория и микроанализ // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999.
6. Журавлев С. В. «Маленькие» люди и «Большая» история. Иностранцы московского электрозавода в советском обществе 1920—1930-х гг. М., 2000.

7. *Kallineud P.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
8. *Mooser J.* Wirtschafts- und Sozialgeschichte, Historische Sozialwissenschaft, Gesellschaftsgeschichte // Fischer Lexikon Geschichte. Frankfurt am Main, 1990.
9. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История как теоретическое знание // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2000. Вып. 3.
10. *Wehler H.-U.* Aus der Geschichte lernen? München, 1988.
11. *Iggers G.* Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. Göttingen, 1993.
12. *Ракитов А. И.* Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1980.
13. Источниковедение. Теория. История. Метод. М., 1998.
14. *Schöttler P.* Wer hat Angst vor der «linguistic turn»? // Geschichte und Gesellschaft. 1997. № 23.
15. *Hunt L.* Symbole der Macht. Macht der Symbole. Die Französische Revolution und der Entwurf einer politischen Kultur. Frankfurt am Main, 1989.
16. *Stedman-Jones G.* Politik und Sprache. Für eine theorieorientierte Sozialgeschichte. Münster, 1988.
17. *Lüdtke A.* Akten. Angaben. Schaufenster: Die DDR und ihre Texte: Erkundungen zu Herrschaft und Alltag. Berlin, 1997.
18. *Schlösser H.* Die deutsche Sprache in die DDR zwischen Stalinismus und Demokratie. Historische, politische und kommunikative Bedingungen, Köln, 1989.
19. Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen Kultureller Systeme. Frankfurt am Main, 1983.
20. *Medick H.* Missionere Im Ruderboot? Etnologische Erkenntnisweisen als Herausforderungen an die Sozialgeschichte // Alltagsgeschichte: zur Rekonstruktion historischer Erfahrungs. New York, 1989.
21. *Medick H.* Weben und Überleben in Laichingen 1650—1900: Lokalgeschichte ala allgemeine Geschichte, Göttingen, 1997.
22. *Le Roy Ladurie — Montalion.* Ein Dorf von dem Inquisitor. Frankfurt am Main, Berlin, 1993.